

5. Лотман Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева / Ю. М. Лотман // О поэтах и поэзии. — СПб., 1996. — С. 553—564.
6. Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике / К. Ф. Тарановский; [сост. М. Л. Гаспаров]. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 432 с.
7. Тютчев Ф. И. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Письма / Ф. И. Тютчев. — М.: Правда, 1980. — 352 с.
8. Фет А. А. Вечерние огни / А. А. Фет. — М.: Наука, 1981. — 800 с.

ДОБРОБАБИНА ОЛЬГА

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ТОЛСТОГО (роман «Анна Каренина») И П. МИРНОГО (роман «Гулящая»)

В статье проанализирована «трансформация женского начала» на примере художественного творчества Льва Толстого и Панаса Мирного. Особое внимание уделено исследованию этического значения данной проблемы, в том числе, и как сюжетного мотива.

Ключевые слова: гендер, женщина-мать, культурный фактор, сопоставительный анализ.

У статті проаналізовано «трансформацію жіночого начала» на прикладі художньої творчості Л. Толстого та П. Мирного. Особливу увагу приділено дослідженню етичного значення даної проблеми, в тому числі, і як сюжетного мотиву.

Ключові слова: гендер, жінка-мати, культурний фактор, порівняльний аналіз.

The article analyzes the «transformation of the feminine» on the example of artistic creativity of L. Tolstoy and P. Mirny. Special attention is paid to study the ethical significance of this problem, including, and as a story motif.

Key words: gender, woman-mother, the cultural factor, a comparative analysis.

Гендерный подход способствует пересмотру и новому прочтению известных текстов. Одна из распространенных проблем литературоведческих изысканий — изображение человека в литературе. Но в литературоведении, как и в философии, под словом «человек» традиционно подразумевается мужчина — и это явление воспринимается как совершенно естественное. Вместе с тем

на всех ступенях изучения литературы (школа, вуз, наука) бытует и традиционная тема — «Женские образы», дополнительно подчеркивающая выведение женщин из разряда «людей». Основываясь на литературном материале, наука создает две противопоставленные парадигмы, две типологии персонажей. В основе первой — **типологии мужских персонажей** — лежит социальный фактор, т. е. фактор культуры: «маленький человек», «лишний человек», «новый человек», т. е. типология «людей». **Типология же персонажей женских**, основываясь на факторе натуры, в целом укладывается в оппозицию ангел/ведьма, и существующая социальная типология (уездная барышня, институтка, эмансипированная женщина) не параллельна первой и тем более не перекрывает ее, а скорее вбирается ею.

«Выключенностью» женщин из сферы социальных отношений Ю. М. Лотман объяснял возможность идеализации их образов в литературе. Именно женский персонаж всегда служит воплощением неких идеальных представлений автора. Но, речь идет не об идеальных человеческих качествах.

Характерным примером может служить «Война и мир» Л. Толстого. Позиция Толстого в решении «женского вопроса» хорошо известна, но гендерное прочтение текста выявляет важные моменты, ускользающие при традиционном подходе. Так, оказывается, что слово «ум» при обрисовке женских персонажей является сугубо негативной характеристикой, а столь любимая автором Наташа Ростова, идеально воплощающая толстовское представление о женственности, наделяется тем же комплексом свойств и признаков, которые присущи «посредственному мужчине» — Николаю Ростову [1, 21].

В то же время отметим, что Анна Каренина — «исключение из этой системы координат». Толстому хотелось написать роман о женщине из высшего общества, «потерявшей себя», вокруг которой легко сгруппировались многие мужские типы. Во многом к реализации этого замысла Толстого, как было сказано выше, подтолкнули мотивы пушкинского творчества, в частности неоконченные прозаические отрывки «На углу маленькой площади» и «Гости съезжались на дачу». Героиня последнего Зинаида Вольская может быть частично соотнесена с Анной Карениной. Это обстоятельство позволяет литературоведам считать произведение «пушкинским романом» Толстого, а к прототипам героини относить Татьяну Ларину, мысленно продолжая историю ее жизни в свете (Б. М. Эйхенбаум). Достоверно известно, что внешний

облик героини сложился у писателя под впечатлением встречи со старшей дочерью Пушкина М. А. Гартунг. Современники находили и многие другие прототипы, отдельные обстоятельства жизни и смерти которых соотносились с сюжетной линией героини романа, в частности упоминается история взаимоотношений актрисы М. Г. Савиной с Н. Ф. Сазоновым [2, 15].

Трактовки образа Анны Карениной в литературоведении чаще всего определяются тем или иным пониманием смысла эпиграфа к роману («Мне отмщение, и Аз воздам»), а также зависят от исторически изменяющегося отношения к роли женщины в семейной и общественной жизни. На характер, судьбу героини оказали влияние не только реально увиденные Толстым социально-исторические условия жизни 1870-х годов, «трагизм разобщенности людей в семье», но и лежащие в основе авторской интерпретации событий романа традиционные народные религиозно-нравственные представления. Анна одновременно привлекательная, правдивая, несчастная, «жалкая и виноватая». (В работах В. Е. Ветловской и А. Г. Гродецкой, например, прослеживается зависимость внутреннего содержания образа Карениной от евангельских и агиографических мотивов, сюжетов и нравственных оценок).

В первой части романа героиня предстает примерной матерью и женой, уважаемой светской дамой и даже примирительницей неурядиц в семье Облонских. Жизнь Анны Аркадьевны более всего наполняла любовь к сыну, хотя свою роль любящей матери она несколько преувеличенно подчеркивала. Лишь Долли Облонская чутко улавливала во всем складе семейной жизни Карениных что-то фальшивое, хотя отношение Анны Карениной к мужу строилось на безусловном уважении.

Под влиянием встречи с Вронским резко изменяются отношения Карениной со всеми окружающими: она не может терпеть фальши светских отношений, фальши взаимоотношений в своей семье, но существующий помимо ее воли «дух обмана и лжи» увлекает ее все дальше к падению. Сблизившись с Вронским, Анна осознает себя преступницей. После неоднократно проявленного мужем по отношению к ней великодушия, особенно после полученного во время послеродовой болезни «прощения», она все больше и больше начинает ненавидеть его, болезненно ощущая свою вину и сознавая нравственное превосходство мужа.

Она искала нравственную опору и не нашла ее. «Все ложь, все обман, все зло» [8, 425]. Не только «страсти» ее погубили.

Вражда, разъединение, грубая и властная сила общественного мнения, невозможность реализовать стремление к независимости и самостоятельности приводят Анну к катастрофе [3, 52].

«Бунт» Анны встретил решительный отпор со стороны Каренина, Лидии Ивановны и «силы зла» — общественного мнения. Та ненависть, которую испытывает Анна к Каренину, называя его «злой министерской машиной», была лишь проявлением ее бессилия и одиночества перед могущественными традициями среды и времени.

«Нерасторжимость брака», освященная законом и церковью, ставила Анну в невыносимо трудные условия, когда сердце ее раздваивалось между любовью к Вронскому и любовью к сыну. Она оказалась «выставленной у позорного столба» как раз в то время, когда в «душе» ее совершалась мучительная работа самосознания.

Исключительным в судьбе Анны было не только «нарушение законов общества», но и осознание своей вины перед близкими ей людьми, перед самой собой, перед жизнью. Благодаря этому Анна становится героиней толстовского художественного мира с его высоким идеалом нравственного самосознания.

Именно «толстовская традиция» предопределила многие схемы развития сюжетов в известных текстах мировой, в частности украинской, литературы. Мы можем сопоставить гендерную проблематику и «сюжетную динамику» в романе Льва Толстого «Анна Каренина» и в романе Панаса Мирного «Гулящая».

Так, в романе «Гулящая» изображены два противоположных мира — мужской и женский, которые находятся в вечном противоборстве. Однако, мир мужчин давно уже «главенствует» [7, 67].

Группируя персонажи романа, женские образы писатель разделяет на два типа: женщины, на которых распространился миф о предназначении женщины во всем «служить мужчине» — Дарья, Аграфена, Елена; женщины, которые опровергают миф о «второстепенном» предназначении женщины — Марья, Марина, Наталья Николаевна, Кристина. (Такие женщины — «порождение города»).

Первая группа, анализируемых нами женских образов, олицетворяет собой национально-традиционный образ Берегини, смысл жизни которой — заботиться о благосостоянии семьи, беспокоиться о муже, заниматься воспитанием детей. Правда, Елену или Бог, или судьба лишили счастья материнства. (Смерть Елены указывает на постепенное разрушение этого образа в сознании читателей. Зато присутствует образ незакомплексованной женщины, при чем обязательно красивой.)

Женщины-персонажи второй группы уже не довольствуются предложенной судьбой. Они стремятся покорять мужские сердца, хоть недолго, хоть временно владеть ими. Кто от скуки (Наталья Николаевна, Пистина Ивановна), кто из мести (Марья, Марина, Кристина), но они разрушают стереотипы, нормы морали и поведения женщины, написанные для нее мужчинами, что также сходно с ситуацией в толстовском романе.

Наталья Николаевна и Кристина гибнут на нелегком, избранном ими пути, тем самым указывая, что общество еще не готово к изменениям; к равным правам мужчины и женщины.

Пренебрежительное отношение мужчины к женщине часто становится причиной ее гибели, если не физической, то духовной, на верное, как и в «Анне Карениной» Л. Толстого.

Мир мужских персонажей романа Панас Мирный также делит на две группы: мужчины, которые хранят верность — Карпо Здор, Федор Супруненко и мужчины, не способные на истинные и глубокие чувства — Проценко, Колесник, Лошаков, Довбня.

Льва Николаевича Толстого как и Панаса Мирного всегда беспокоила «судьба человека вообще», и женщины в частности. В романе «Гулящая» П. Мирный поднимает проблему роли женщины в семье, в обществе. Правда в финале автор приводит схему одного из возможных вариантов помощи женщинам, которые не нашли истинного пути в жизни. Это некий патриархальный идеал, «убежище», в котором бы можно было получить образование, научиться хозяйствовать, а основное, благодаря которому можно было бы женщине самостоятельно выбирать свою судьбу, выходить замуж или пожизненно жить в «пансионе».

Однако, форма, в которой подается проект, указывает на его утопичность [9, 100].

Итак, трагичность женских образов у Льва Толстого и Панаса Мирного построена на столкновении любви, стремлении к личному счастью и требований нравственного долга, они вовсе не «роковые» женщины, как вначале хотели представить их авторы.

Если бы Анна не понимала требований «нравственного закона», не было бы у нее и чувства вины. Не было бы и никакой трагедии. Она близка Левину именно этим чувством вины, что и указывает на ее глубокую нравственную природу. «Мне, главное, надо чувствовать, что я не виноват», — говорит Левин. А разве не это чувство привело Анну в конце концов к «полному расчету с жизнью» [8, 210].

Героини Панаса Мирного долго и мучительно делают «свой выбор» и эта ситуация и определяет драматизм существования, невозможность осуществить свои «идеальные замыслы».

Литература

1. Вейнинггер О. Пол и характер: Принцип исслед. / Отто Вейнинггер. — М.: Терра, 1999. — 461 с.
2. Ветловская В. Е. Поэтика «Анны Карениной». Система неоднозначных мотивов / В. Е. Ветловская // Русская литература. — Л., 1982. — № 4. — 37 с.
3. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание / И. А. Есаулов. — СПб.: Алетейя, 2012. — 448 с.
4. Карасёв Л. «Вещество литературы» / Л. Карасёв. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 400 с.
5. Мацапура В. І. Літературний психологізм та його роль у художньому творі. Основні форми і прийоми / В. І. Мацапура // Всесвітня література та культура в навчальних закладах України. — 2000. — № 1. — С. 41—43.
6. Мирный П. Повія / Панас Мирный // Зібрання творів: у 7 т. — К.: Наукова думка, 1969. — Т. 3. — 532 с.
7. Тарнавський М. Майстерність психоаналізу чи ілюзія психологізму? (Два приклади: Панас Мирний і Нечуй-Левицький) / Максим Тарнавський // Слово і час. — 1992. — № 8. — С. 65—79.
8. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 20 т. / Л. Н. Толстого. — М., 1964. — Т. 11. — 520 с.
9. Черкасський В. О. Художній світ Панаса Мирного / В. О. Черкасський. — К., 1989. — 227 с.

СЕДОВ АЛЕКСЕЙ

«КОНСТАНТИНОПОЛЬ» И «НАРОД» — ДВА СЛАГАЕМЫХ «РУССКОГО МЕССИАНСТВА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье ставится проблема трансформации публицистических идей Достоевского — прямых авторских интенций — в художественном мире произведений писателя, выявляются также аналогии и истоки той вариации «русского мессианства», которую культивировал художник в своих публицистических статьях. Автор статьи предлагает т. н. «третий путь» анализа творчества писателя: воспринимать его не как «Единый Текст»,